

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСОНАЛИСТСКОЙ ЭТИКИ Н. А. БЕРДЯЕВА

О. А. Занека

Н. А. Бердяев — один из самых ярких и значительных представителей русской религиозной философии. Будучи приверженцем экзистенциализма, Бердяев считал проблемы личностного существования, свободы, творчества основными и изначальными проблемами философии. В основе его мирозерцания лежит философия персонализма как «плод долгого философского пути искания истины, долгой борьбы за переоценку ценностей»¹.

Этот персонализм имеет ярко выраженную эсхатологическую окраску. Философ не раз повторял, что всё человеческое творчество, все усилия человека могут быть объяснены томлением по тому, чего нет. Человеку требуется какой-то секрет, какая-то тайна, владение которой позволит преодолеть необходимость творить в литературе, искусстве, политике — «суррогатах, заменяющих истинную жизнь». «В писаниях своих, — признаётся Бердяев, — я лишь выражаю свою тоску по истинном, полном, вечном, свободном и радостном бытии и безмерное желание узнать его секрет»².

Автором данной статьи предпринимается попытка «войти» в мир идей философа и представить его содержание как бы изнутри, не прибегая, по возможности, к жёстким оценочным суждениям, которые неизбежны при рассмотрении этих взглядов «извне», с иных мировоззренческих позиций, что вряд ли приблизит к пониманию сути бердяевских построений.

В основание философии Бердяева была положена свобода, чего, по его словам, «в такой радикальной форме не делал ни один философ»³. Философией свободы называет Бердяев этику. Нравственная жизнь, самый её факт предполагает свободу. Обращаясь к традиционным трактовкам учения о свободе воли, Бердяев отмечает, что они прежде всего содержали доказательства нравственной вменяемости и ответственности человека. Так называемый «традиционно-школьный» вопрос о свободе воли «не ставится во всей глубине и сама постановка его предполагает решенным, что свобода есть избирающая воля»⁴. Бердяева же интересует свобода как категория духовно-религиозная, и вопрос о свободе видится ему как вопрос о первооснове бытия, о первооснове жизни. Серьёзным недостатком традиционной постановки вопроса о свободе воли признаётся то, что свобода трактовалась статически, тогда как её «можно трактовать лишь динамически, исследуя разные состояния и стадии свободы»⁵.

У свободы есть своя внутренняя диалектика, она имеет свою судьбу, исследование которой позволит постигнуть тайну свободы, её глубину. Ещё Блаженный Августин говорил о двух свободах: *Libertas minor* и *Libertas major*. Последняя обозначает принадлежащую одному лишь Богу невозможность грешить. *Libertas minor* есть возможность не грешить (или свободный выбор между добром и злом), при-

надлежавшая только первозданному человеку до грехопадения. Действительное состояние человеческой воли (после грехопадения) Августин характеризует как невозможность не грешить, то есть он допускает свободу человека в избрании зла, но отказывает человеку в свободе избрания добра. Добро становится возможным для «падшего» человека лишь действием божественного начала (благодати).

Бердяев также различает две свободы. Первая свобода есть иррациональная, свобода выбора добра и зла, свобода завоевывающая, которой принимают Истину и Бога, свобода как путь. Первая свобода есть «индетерминизм» и безосновность. Вторая свобода есть свобода, которую получают от Истины и Бога, свобода в Истине и Боге, свобода разумная, свобода как цель.

Особую трудность для философского познания представляет свобода иррациональная, «свобода как индетерминизм», поскольку её нельзя выразить, передать её особое «состояние» на языке категорий, какими оперирует традиционная философия. Можно говорить о существовании порядка природы и порядка свободы: понятия, используемые в отношении первого, совершенно не применимы в отношении второго, так как эти понятия приложимы лишь к статическому, а свобода может быть обнаружена и постигнута только в динамике.

Бердяев прослеживает внутреннюю диалектику свободы, стремится показать и доказать, что свобода первая и свобода вторая обуславливают друг друга, не существуют одна без другой. Бердяев полагает, что первая свобода по-настоящему раскрывается лишь с принятием христианства: до наступления христианской эры понятие иррациональной свободы было чуждо человеческому сознанию. С признанием первой свободы в качестве основы мирового процесса связано принятие идеи грехопадения.

Динамика первой свободы, взятой в своей отдельности, ведёт к её самоистреблению. Первая свобода обладает свойством порождать зло, направлять человеческие стремления по ложному пути. Первая свобода вне связи со второй, содержательной свободой, приводит к анархии и произволу, самоутверждению человека, что грозит обернуться распадом и рабством последнего стихиям и страстям. Таким образом, «первая свобода, взятая сама по себе, бессильна сохранить и утвердить свободу, она всегда подвергает ее опасности гибели»⁶. В этом видит Бердяев причину отрицания иррациональной свободы Блаженным Августином и понимания её как несовершенства, дефекта Фомой Аквинским.

Если первая свобода таит в себе опасность анархии и произвола и её ложная направленность может привести к трагедии самоистребления, то вторая свобода содержит в себе отрицание человеческой свободы как свободы выбора, свободы совести. В своей отдельности вторая свобода исключает способность выбирать. Будучи свободой в истине и добре, она «ведет к отождествлению свободы истинной с добром, с разумом, к принудительной добродетели, к детерминизму добра и порождает религиозную или социальную организацию, в которой свобода оказывается дитятею необходимости»⁷. Вторую свободу, понимаемую таким образом, можно рассматривать, как считает Бердяев, в качестве свободы Бога, мирового разума или мирового духа, но не в качестве свободы человека.

Обращением к проблемам человеческой свободы, идеей первичности свободы для религиозного мироощущения и мирозерцания Бердяев, по его собственному признанию, был обязан автору «легенды о великом инквизиторе». Не случайно именно в книге «Мирозерцание Достоевского» достаточно полно (для дореволюционного периода творчества философа, так как окончательно концепция свободы сформировалась много позднее и была изложена в работах «Философия свободного духа», «Рабство и свобода человека», «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого», «О назначении человека» и др.) представлена концепция свободы. Подобно Достоевскому, Бердяев уделяет особое внимание свободе как источнику добра и зла. Он прослеживает в этой связи не только диалектику свободы, но и теснейшим образом с ней связанную диалектику добра и зла.

Как уже отмечалось, для Бердяева свобода есть несомненная основа нравственности. Нравственное, или, как он уточняет, нравственно-разумное, заложено в человеке с рождения. Быть личностью, быть свободной личностью — значит осознать свою нравственно-разумную природу и прислушаться к её голосу, доносящемуся из глубины. Нравственно-разумная природа позволяет человеку самостоятельно оценивать свои поступки и поступки других с точки зрения их нравственного содержания. Нравственная природа человека и есть собственно божественное в нём. Нравственность имманентна человеку, и нравственная проблема — это проблема плана индивидуального, внутреннего, обуславливающая стремление личности к совершенству. Без идеи нравственного совершенства человеческое существование не может считаться полноценным; на пути к высшему совершенству осуществляется нравственное развитие личности, которое «немыслимо без идеи верховной цели». Каждый поступок, содержащий нравственную ценность, служит утверждению личности, её раскрытию. Нравственность, таким образом, способствует самоосуществлению внутреннего «Я», она же есть и его освобождение.

Свой нравственный выбор человек совершает в свободе. Только творимое свободным субъектом добро имеет абсолютную ценность. В связи с этим Бердяев пишет: «...нравственно высок и прекрасен не тот человек, который творит добро со скрежетом зубным, ограничивая и урезывая свою человеческую индивидуальность, а тот, который, творя добро, радостно сознает в этом самоосуществление, утверждение своего “Я”»⁸.

Служение абсолютному добру есть выполнение главного предназначения личности, утверждение глубины духовного «Я», единственного, уникального в нём, что ведёт к обретению совершенной полноты в Боге. Неволящее добро, обыденное не должно оправдывать, поскольку оно подавляет в человеке личность, лишает её исключительности; оно и добром уже не является, так как последнее предполагает свободу, вне которой происходит его перерождение в начало противоположное. Бердяев призывает освободить человека от принудительного добра, от подчинения внешним и чуждым ему нормам: «Настало время не суда добра над людьми, а суда человеческого над добром, и этот суд Божеский»⁹. Только тогда становится возможным истинное творчество добра.

«Нравственный закон» Бердяева существенно отличается от нравственного закона Канта, выраженного в форме категорического императива. Сам Бердяев неоднократно подчёркивал, что Кант оказывал на него постоянное духовное влияние. Ему «особенно близок дуализм Канта, кантовское различение царства свободы и царства природы, кантовское учение о свободе умопостигаемого характера и кантовский волюнтаризм»¹⁰. Но у Канта мир ноуменов закрыт для человека, Бердяев же полагает, что ноуменальный мир свободы дан человеку имманентно; человек причастен ноуменальной свободе «внутри своего духа».

Бердяев — персоналист, он возвеличивает человека, духовное начало в нём. Для Бердяева, особенно если обращаться к первым этапам его философского творчества, «Я» есть основополагающая идея всей этики, из которой должна быть выведена вся нравственность. «Я» подчиняется только нравственному закону, который содержит в себе. Этот закон носит индивидуальный характер, он единственен и уникален, а не универсален.

Для Канта, как известно, мир свободы так же, как и мир природы, имеет свой закон, но если в мире природы это есть закон необходимости, то в мире свободы — закон долженствования. У Канта свобода связана со сверхиндивидуальной максимой действия, подход же Бердяева исключает рассмотрение свободы с точки зрения всеобщности её принципа. Для русского мыслителя подчинение всякому закону есть рабство, нравственным долгом он считал «выпадение из-под власти формального закона». С позиций бердяевского персонализма, «хранитель общеобязательного нравственного закона есть совершенно безнравственный человек, кандидат в ад, а отверженный общеобязательным нравственным законом есть человек нравственный, исполнивший свой священный долг беззакония»¹¹.

Бердяев утверждает мораль «неповторимо-индивидуального» и не признаёт мораль общего. Кант утверждает личность как цель всех целей, ни в коем случае не как средство, но личность подчинена категорическому императиву, «нависшему» над ней, словно «дамоклов меч». По мнению Бердяева, кантовское учение о личности «не есть все-таки подлинный персонализм, потому что ценность личности определяется нравственно-разумной природой, которая универсально-общая»¹².

С точки зрения персоналистской философии, каждая личность обладает абсолютной ценностью, она по-своему уникальна и единственна. Персонализм утверждает первенство индивидуального над общим и родовым. Подход, согласно которому личность подчинена универсальному нравственному закону, отрицающему превосходство индивидуального начала над общим, не согласуется с основными положениями персонализма. Категорический императив фактически исключает возможность свободного выбора: долг обязывает человека поступать в соответствии с требованием всеобщего закона нравственности. Заметим, что сам по себе выбор ещё не есть реальная свобода. Бердяев рассматривает ситуацию выбора лишь как один из моментов свободы. Определение свободы как выбора он называет формальным. Но философ нисколько не умаляет значения свободного выбора, как бы предваряющего переход от свободы формальной к свободе реальной, которая обнаруживает себя, когда человек уже «пережил» акт избирания. И тем не менее Бердя-

ев признавал, что «философия Канта есть философия свободы, хотя, может быть, недостаточно последовательно, не до конца развитая»¹³.

Н. А. Бердяев полагал возможным решение проблемы свободы только в рамках христианской философии, которая есть философия свободы, и исходить при этом следует «из идеи Богочеловечества». По его мнению, построить решение проблемы свободы лучше всего удалось бы русской религиозной философии, понимающей свободу «как индетерминизм и бесконечность».

Личность, по Бердяеву, есть духовная реальность, потому она не может стать объектом научного исследования. Главная характеристика личности — свобода, которой личность не просто обладает, но она сама есть свобода. Всё это сближает Бердяева с представителями экзистенциальной философии на Западе. Существенное отличие персонализма Бердяева от экзистенциальной философии, получившей широкое распространение в Европе и в Америке начиная с 30-40-х годов, заключается, как считает П. П. Гайденко, в недостатке «сознания греховности и конечности человека, и при всем ощущении трагизма человеческого существования он (Бердяев. — О. З.) убежден в божественности человека, в его силе и величии»¹⁴.

¹ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 1.

² Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные, литературные. СПб., 1907. С. 373.

³ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 51.

⁴ Бердяев Н. А. Метафизическая проблема свободы. Париж, 1927. С. 47.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же.

⁸ Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные, литературные. С. 94.

⁹ Там же. С. 274.

¹⁰ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. С. 13.

¹¹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 53.

¹² Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. С. 30.

¹³ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 53.

¹⁴ Гайденко П. П. Мистический революционаризм Н. А. Бердяева // Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 6.